

Кюнг Николай Федорович

ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В БРЕСТЕ

Я родился 9 августа 1917 года в селе Софьино, Сычевского уезда Смоленской губернии. Русский, православного вероисповедания (в крещении).

Отец — Кюнг Федор Иванович — выходец из Швейцарии (Кюнг Фридрих Фердинанд), скотовод работал до Октябрьской революции в имении помещика скотоводом и сыроводом.

Мать — Ефросинья Тимофеевна — дочь крепостного крестьянина, до революции работала дояркой в том же имении Софьино. После Октября семья получила надел земли 18 га из расчета 2 га на члена семьи; хозяйство было среднего достатка.

В 1929 году семья вошла в состав только что образованного колхоза «Победа».

С января 1937 года — член ВЛКСМ; с 1932 года — Осавиахима; как и большинство юношей в то время, занимался в кружках: стрелковом; спортивном (лыжи, бег), парашютно-планерном. Сдал нормы на значки «Ворошиловский стрелок» I степени и «Готов к труду и обороне» I и II степени.

В 1934—1935 гг., будучи внештатным членом Вяземского горкома ВЛКСМ, был руководителем военно-спортивной работы города.

Окончив с отличием Тесовскую девятилетку Смоленской области, в 1932 поступил в Вяземский педагогический техникум. После окончания в 1935 году был назначен учителем истории и обществознания в Семлевскую школу №21. Вяземского района, Западной железной дороги; работая, учился на историческом факультете (заочное отделение) Ленинградского университета.

В 1938 году назначен директором этой же школы; Ленинградский университет окончил с отличием летом 1939 года.

Жена Ирина Павловна — учительница начальных классов к моменту призыва в РККА, в начале 1940 года было двое детей.

До начала Великой Отечественной войны окончил полковую школу 84 стрелкового полка, бсд. ЗОВО в гарнизоне Брестской крепости; в звании старшего сержанта с мая 1940 г. Декабрь 1940 г.: полкомвзвода полковой школы, а с декабря 1940 года согласно образованию был переквалифицирован в заместителя политрука полковой школы, с присоединением звания младший политрук.

22 июня 1941 года в 4.00 не было привычной команды дежурного по школе: «Школа, подъем!»; не было более грозной команды: «Школа, в ружье!»

Вздрагивала земля, звенели стекла окон, сплошной гул и багровые отблески предрассветного утра (в Бресте рассвет наступает часом позже московского). Густая пелена дыма вместе с пылью заволокла всю территорию крепости. Так для меня началась война.

В первые минуты замешательству не было предела. Оно усилилась еще и тем, что начальник полковой школы старший лейтенант Ширяев и командир взводов, как и большинство командиров состава, не смогли проникнуть в крепость из-за шквального огневого вала и потому, что все городки командного состава вокруг Бреста подверглись жестокой бомбардировке.

Сумятица и неразбериха усилилась еще и тем, что сотни лошадей, сорвавшись с коновязей артиллерийского парка, с диким визгом носились по территории крепости. И все-таки старшему политруку школы Леониду Кислицкому с небольшой группой товарищей удалось пробиться в крепость, в школу; как только наступила звонящая тишина, он подал команду вскрыть

помещение с боеприпасами и занять на валах Волынского укрепления (Южный остров) оборону. На территории Острова располагался окружной госпиталь, его здания были разрушены и горели; больные и медперсонал во главе с батальонным командиром Николаем Богатеевым, придя в себя, искали защиты и пути спасения. В полдень товарищ Богатеев отбивая в рукопашной схватке очередную атаку гитлеровцев погиб, а основные штурмовые группы, полурассыпанным строем, прикрываясь автоматными очередями, ринулись на валы укрепления и к южным воротам.

Уже первые выстрелы курсантов и пулеметные очереди младшего сержанта Ивана Долганова прижали атакующих к земле. Были слышны резкие вскрики офицеров атакующих. И вновь волна за волной в рост — атака. И вновь дружные залпы заставляют штурмовиков залегать. Так продолжалось несколько раз. Не добившись успеха, гитлеровцы обратились в бегство в прибрежные кустарники реки Буга. И тут же по нашим позициям был открыт огонь из минометов. Его внезапность оказалась для нас трагичной... первые потери, первая кровь... Младший сержант Тарасов, бывший рядом, тихо вскрикнув, глухо застонал. От сладковатой гари взрыва и вида смертельно раненного товарища меня охватили непонятная одурь и тошнота.

На центральном острове — в Цитадели крепости весь день кипели бои. Были слышны взрывы гранат, выстрелы — очереди, и тот смертоносный минометный обстрел. Оказывается, несколько штурмовых рот гитлеровцев прорвались через Западные Терекпольские ворота в Цитадель, захватили столовую начальника состава и полковой клуб 84-го полка (бывшая церковь) и уже, видимо собирались рапортовать о победе. Однако укrywшиеся в подвалах бойцы 3-го батальона после бомбардировки приведены в боевой порядок приказом комиссара полка Ефима Фомина. Контратака была решительной и внезапной для успокоившихся гитлеровцев. Большая часть их была истреблена без выстрелов; отдельные группы их бросились в бой к Тереспольским воротам и были истреблены бойцами одной из рот 333-го полка (личный состав полка находился в летних лагерях).

Около полудня начали бомбардировку по всей площади крепости, сбрасывая осколочные бомбы. Группы самолетов по

3—5 на бреющем полете простреливали наши позиции; а затем начался обстрел из минометов; под его прикрытием вновь началась атака на валы. Теперь уже не ротными колониями, не в рост, а по всем правилам боевых уставов, перебежками отдельными группами. И на этот раз гитлеровцы отхлынули к берегу Буга.

Наступило затишье. Полуденное солнце нещадно палило.

Старший политрук приказал мне взять группу бойцов и разведать склад боеприпасов. Он находился недалеко от казармы полковой школы. Склад оказался невредим, и его хозяин — военный техник — лейтенант Бойко указал, где брать патроны и гранаты. Сержант Чамаев — ладный крепыш и курсанты направились с ценным грузом на позиции. Бойко придержал меня и тяжелым вздохом сообщил: «Три дня назад у меня родилась дочка... как они там в роддоме... город-то в огне». Может, только при его горьком виде я подумал о своем...

6 июня, получив летний отпуск, как на побывку, ко мне приехала супруга Ирина, оставив двух малышей у родителей под Смоленском.

Определил ее в одном из домов деревни Волынке, вблизи крепости, в 600—700 метрах от реки Буг.

20 июня в полдень я был принят в ряды ВКП(б) и отпросился у начальника школы старшего лейтенанта Ширяева за счет обеденного перерыва посетить семью. Рассказывая о подробностях процедуры приема, заметил ее рассеянность. Спросил, в чем дело. «Коля, не завтра — послезавтра — война». Заметив мое замешательство, добавила: «Уж который день все жители об этом говорят, и в магазине полки пустые». Все так было неожиданно, что в ответ я смог только сказать: «Ты что, к хахалю торопишься домой?» — «Ты понимаешь, что говоришь?» Горько улыбнувшись, она решительно сказала: «Пошли в магазин — сам увидишь!» Действительно, полки магазина были пустые; только наверху сиротливо лежали, видимо, никому не нужные горелки и два-три стекла от лампы. Продавец, пожав плечами, тихо сказал: «Командир, все говорят... вот и расхватили...»

По пути в школу тяжело размышлял: доложить или воздержаться? Решил сообщить. Старший политрук, недавно призванный из города Горького, был еще больше похож на штатского,

но выслушав, прижав палец к губам прошептал: «Кюнг, ты знаешь что такое ревтрибунал, да еще здесь, у границы? Пакт-то на десять лет заключен... Так что...» Придя на вечернюю проверку, отвел в сторону и сообщил: «Я получил шесть билетов в областной драмтеатр, группа из Москвы прибыла. Так вот ты с супругой и мы с Ширяевым, со своими женами с 16.00 до 22.30 будем сидеть в партере...— И добавил: — А ты...» И подмигнул.

Лейтенант Бойко заметил: «А у тебя как?» Взяв ящик с патронами, ответил: «Выгружай наверх боеприпасы, ребята будут забирать».

Ночью была выслана группа курсантов, разведать пути прорыва. Вернувшись, сержант Чечеткин доложил: «На пути — дорозы...» И, вынув какой-то сверток добавил: «Из голенища убитого немца вытащил, а из сумки — плитку шоколада, и вот — хлеб, завернутый в промасленную бумагу, на бумаге было четко написано «1936», значит давно. Развернули пакет — оказалась листовка-рисунок. На рисунке кремлевская стена с раскрытыми воротами, у ворот с поднятым мечом солдат; из-за ворот льется поток крови, в нем трупы, трупы... а на заднем фоне, у Царь-пушки, фигура обезьяны с лицом Сталина; руки фигуры подняты над головой с зажатым в них глобусом...

Тут же послышалось: «Умеют, сволочи агитировать!» На втором листке обращение Гитлера к солдатам; не все в нем было понятно (немецкий мало кто кое-как понимал), но сумели понять концовку о том, что «я отдаю лучшую кровь своего народа на алтарь спасения Европы от большевизма». Спустя некоторое время я убедился, что массовая агитация листовками во многом превосходила нашу. Геббельс со своей «командой» во многом преуспел, тогда наш Главпул РККА...

На второй день обороны нам стало известно, что отдельным группам смельчаков удалось вырваться из Цитадели, но было известно, что большая часть погибает при переправе через канал, обводящий Цитадель. Михаил Пискарев — старший сержант, полкомвзвода собрал группу своих курсантов и вечером 23 июня спросил разрешения на прорыв. Разрешение было дано. В полночь группа отправилась через вал у Южных ворот к выходу на Ковельское шоссе. Выстрелов не слышно: «Проско-

чим». Потом, уже в 1958 году, будучи членом Советского Комитета ветеранов войны, я среди многих писем прочел письмо из Царицына от майора Михаила Егоровича Пискарева. Он сообщал об обороне валов Южного Острова крепости и своем участии в дальнейшей борьбе с фашистами. Как и другие подобного рода письма, я передал его писателю Сергею Сергеевичу Смирнову — он вплотную тогда занимался поисками защитников Брестской крепости после известной киноэпопеи. «Бессмертный гарнизон». Кстати, при встречах с ним мы называли его Защитником защитников Брестской крепости, а на похоронах в Ново-Девичьем монастыре он ушел от нас как Комендант бессмертного гарнизона.

На третий день, в полдень, теплый ветер от Буга принес тяжелый, спертый сладковато-трупный запах. Разлагались убитые гитлеровцы. Своих товарищей мы имели возможность в ночной прохладе предать земле.

Санструктор Сергей Милькевич доложил старшему политуку о том, что раненым товарищам, кроме глотка воды и сухаря, помочь нечем: лекарства, бинты израсходованы; вывернуты все ранцы, зимние нижние белье, портянки; «Рвем на части свое нижнее белье», — закончил горький доклад Милькевич.

Глоток воды! Как он дорог для здорового бойца в жаркий полдень. Станковый пулемет замолчал еще накануне: пулемет «максим» без воды — железка; ленты пулеметные «потрошили» для винтовок. ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) также молчали. Однако у гитлеровцев, видимо, отпала охота повторять открытые атаки, и все позиции обороняющихся накрывались убийственным огнем из ротных минометов. После полудня, будучи в очередной раз на своей позиции, был ранен: впереди вспыхнуло оранжевое пламя, звонко хлопнуло, и у локтя левой руки стало нестерпимо жарко. На зов приполз Милькевич, отложил винтовку, засучил рукав. «Ничего страшного, осколочек влип...» Рану закрутили каким-то жгутом. «Йода нет, и одеколон, у кого был, весь использован». Отползая, добавил: «У ребят хуже».

К вечеру этого дня, как только смолкли разрывы, группа курсантов, расположившись на поляне, укрытой валом, занялись вопросом, чья каска лучше. Оказывается, с расстояния в 25 мет-

ров из нагана немецкая каска пробивалась насквозь; наша останавливала сплюснутую пулю у задней стенки. «И все же наша лучше!» — кто-то горько пошутил.

Когда на пятый день сержант Чомаев сообщил, что склад пуст и что лейтенант Бойко со своими товарищами видимо, ушел на прорыв, старший политрук решил на прорыв. Посоветовавшись, образовали три группы из оставшихся товарищей. В мою группу вошло 18 курсантов. Сергея Милькевича и его помощника — Шадрина — оставили при раненных, к ним присоединился пограничник с ручным пулеметом. Больно, остро и глубоко засели слова: «Я отсюда никуда не уйду!»

Ранним туманным утром 27 июня пройдя по давно знакомым тропам, обошли сгоревшее село Волинку, вышли на обочину Ковельского шоссе. Мучительно, тяжело было уходить. Оглянулся на горящий, весь в дыму, город Брест. Горько стало; вспомнилось: «в 16.00 в воскресенье будем в Областном драмтеатре». Действия начались, но уже в другом, на другом театре.

28 июня подошли к большому селу Дивин, истребили отряд мотоциклистов у здания почты, на котором уже была вывеска: «Post». Злоба кипела от чужих названий. Прошли Камень-Каширский, запаслись боеприпасами, сухим пайком. 3 июля в Сарках — узловой железнодорожный пункт, город; здесь услышали речь вождя Иосифа Сталина. Горько стало на душе. И то сказать: фашисты заняли Минск, Литву, Львов, рвутся к Смоленску! В комендатуре получили назначение двигаться товарняком в Мозырь, т. е. в распоряжение своего Западного округа.

Утром 7 июля в составе гаубичной батареи 204гап 2322-й дивизии принял участие в боях за Бобруйск. С боями прошли Демонювичи, Озаричи, Паричи, от Бобруйска отступили теми же пунктами, к своим базам у Мозыря. 15 июля вновь начали гнать гитлеровцев к Бобруйску. 6 августа — вновь отступление.

Через Хойники дивизия пошла к переправе через Днепр у города Лоев. День за днем оставляли города Черниговщина, Репки, Щорс, Корюковка, Мена. Далее бои за города Борзну, Конотоп, Бахмач, Нежин; после тяжелого боя у города Прилуки в конце сентября, оказавшись в окружении (Киев был оставлен 19 сентября), во главе небольшого отряда пробивался на север, стремясь добраться до Брянских лесов. Прошли ночами Креле-

вец, Шостку, Ямполь. Ранним утром при переходе через речушку, при выходе из нее «напоролись» на дозор немцев. Осколком гранаты был ранен в правую ногу. Это было уже 8—10 октября.

Плен. Переведен в Гомель — лагерь военнопленных, потом в Минск. Далее, в товарняках — в Германию. В конце октября — лагерь для военнопленных, «шталаг» № 304 у города Раза (округ Лейпцига). В июле 1942 г. как еще кое-как сносный к работе в группе 600 товарищей отправлен в лагерь при шахте в Бельгии, вблизи Брюсселя.

4 августа 1943 года арестован (выступление против вербовщиков власовцев) и через тюрьму гестапо, водворен в концлагерь в Бухенвальде. Уже в 1998 году в отделе Министерства обороны получили и выдали мне копию документа гестапо, последняя запись в котором под датой 06.09.43 г. Передан гестапо г. Франкфурт-на-Майне, с определением причины ареста — «Bolschewist» — т. е. «большевик и передан конвою «Einsa...», т.е. полевому вспомогательному отряду. А это расстрельная команда при гестапо. Это было 17 сентября 1943 года, и я стал номером 20955. 11 апреля 1945 г. освобожден в результате вооруженного выступления подпольной антифашистской организации, будучи руководителем одной из подпольных групп.

22 июня 1945 года Брест — лагерь СМЕРШа. В середине июля прибыл с надлежащими документами в город Вязьму, откуда был призван в РККА. До 25 сентября 55-й запасной полк под Калугой.

По указу Президиума Верховного Совета от 25 декабря 1945 года назначен учителем истории и обществознания в Ознобишинскую школу Подольского района Московской области. До 1991 года учитель, завуч Щербинской школы №4 (новостройка). Последние восемь лет учитель истории Быковской школы.

В справке — СФИЯ МСЭ 002 №951940 от 20 февраля 2004 года записано: «Ранен на фронте при защите СССР».

Ранения. Первое 23 июня 1941 года при отражении атаки гитлеровцев на валы южного острова Брестской крепости. Скользящее штыковое ранение запястья левой руки.

Второе. Утром 27 июня при прорыве из крепости; сквозное пулевое ранение в мякоть левой руки у локтевого сустава.

Третье. В конце июля 1941 года бою у деревни Лесчана Рудня, южнее Бобруйска и Паричей — пулевое ранение запястья правой руки.

Четвертое. Утром 8 октября 1941 года при выходе из окружения севернее города Шостка, после переправы речки — осколком гранаты в правую ногу (ниже колена).

В настоящее время, с 1998 года — председатель Совета ветеранов города Щербинка.

Награды:

2 ордена Отечественной войны I степени:

а) №289246; указ Президента Верховного Совета от 8 февраля 1958 года (секретарь Георгадзе). Вручен в Подольском военкомате в начале 1958 года.

б) №647409; указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1958 года «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.

Первый орден был вручен, как и многим моим товарищам по Брестскому гарнизону, за защиту Брестской крепости.

Медали:

« За победу над Германией»

«20 лет Победы в Великой Отечественной войне»

«30 лет победы ВОВ»

«40 лет победы ВОВ»

«50 лет победы ВОВ»

«60 лет победы ВОВ»

«Медаль маршала Г.К. Жукова»

«Правительственная медаль ГДР «Борец-антифашист. 1933—1945 гг.».

Правительственная медаль ЧССР «Знак чести», за участие в интернациональной борьбе против фашизма (Прага, 4 апреля 1967 г.).

Медаль «Крест святого рыцаря» — от французской организации борцов Соппротивления фашизму (11 апреля 1960 г., Париж).

Памятная медаль «60 лет Сталинградской битвы»
Памятная медаль «60 лет Курской битвы»
Медаль Советского комитета ветеранов войны и 4 креста
Западного фронта
Медаль «Фронтовик 1941—1942 гг.» (9 мая 2001).
Участник двух парадов Победы (1990 г. и 1995 г.).
Почетные грамоты: ЦК ВЛКСМ, Министерства обороны
(маршала Р.Я. Малиновского), Министерства просвещения, Со-
ветского Комитета ветеранов войны, Всесоюзного общества
«Знание» (Военная секция) и др. — за военно-патриотическое
воспитание воинов Советской Армии, молодежи и учащихся
школ.

В Великой Отечественной войне погибли:

брат Герман Федорович Кюнг (1915);

брат Иван Федорович Кюнг (1920) — 28 августа 1942 г. в
Сталинграде;

брат Григорий Федорович Кюнг (1911), колхозный конюх,
колхоза Киселева Смоленской области, Новодугинского района
(сожжен в бане за сопротивление, оказанное гитлеровцам при
реквизиции колхозных лошадей (ноябрь 1941 г.).

Со стороны супруги Ирины Павловны погибли:

старший брат Шапкин Филипп (1911) — партизан, убитый в
феврале 1943 г. в бое с карателями в Кардыновском районе под
Смоленском;

старший брат Шапкин Алексей (1909), полковник юстиции,
военный прокурор в МВО, погиб в боях под Гжатском осенью
1941 года.

После войны остались живы: сестра Анна Федоровна (1906)
доярка колхоза «Победа» Смоленской области, Сычевского рай-
она; сестра — Мария Федоровна (1914), старший бухгалтер МИФИ.

Перед грозой

20 июня 1941 года (это была пятница) в полдень на артпо-
лигоне 6-й дивизии Брестского гарнизона состоялось выездное
заседание парткома 84сп. В числе товарищей был принят в ряды
ВКП(б) и я. Доложил начальнику полковой школы старшему лей-
тенанту Ширяеву о том, что о радости обязан известить свою
супругу Ирину Павловну прибывшую на лето ко мне на побывку.

Проживала она в селении Волынка, вблизи крепости. Сразу заметил, что слушает рассеянно, будто занятая чем-то посторонним. Спросил: «Ира, в чем дело?» Полушепотом, ответила: «Коля, не завтра — в воскресенье война! — И добавила: — Мне надо уехать домой...» — «Ты с ума сошла? Ты знаешь, что говоришь?!» — «Пойдем в магазин, сам все увидишь!» Ответила и стала собираться. Зашли в магазин...

...Все полки магазина — пусты. На одной в углу лежат сиротливо две-три горелки и стекло от керосинной лампы. Продавец, указав на них, сказал: «Не взяли, не подходят...» — И тихо добавил: — Пан командир, все говорят: вот-вот война — вот и расхватили...»

...Доложил старшему политруку Кисловодскому. Ответ был ясен и прост: «Кюнг, под трибунал захотел за панику? Меня туда же потащат!! А жене скажи, что в воскресенье в 16.00 мы все шестеро, в том числе и она, будем в областном драмтеатре; из Москвы театральная группа прибыла».

Начало

Земля вздрогнула, качнулась, а вместе... Привычной командой «школа, подъем!» или более тревожной «в ружье!» не было. Предрасветное утро озарилось сотнями багровых вспышек, и крепость потонула вмиг в сплошном грохоте и гуле разрывов бомб, снарядов и мин; огонь, дым, пыль, камни — все заполнило вокруг. Взбешенные от неожиданности лошади, сорвавшись с коновязей, дико визжа, крича, то сбивались в кучу, то рассыпались, усиливали неразбериху и сумятицу.

Только сторонний наблюдатель смог бы описать происходящее. Когда стихло все, наступила звенящая тишина.

Опомнившись, курсанты полковой школы заняли давно знакомые места на валах своего Волынского укрепления крепости. Прорвавшийся сквозь огнемет старший политрук Кислитский приказал старшине Левченкову с каптерщиком раздать патроны.

Со стороны реки Буга, сквозь редкий туман, выдвинулись густые цепи серо-мышинного цвета. Шли поротно, полурассыпным строем, будто на смотровом учении. Странное чувство ох-

ватило, видимо, не только меня. Нужно было стрелять, убивать вот их, в этих мышинного цвета одеждах.

Чего проще на полигоне в который раз тремя выстрелами поразить мишень с рисунком солдата в каске тарелочкой. А теперь стрелять по живым людям... Впервые команда «огонь!» все скрасила. Серые фигурки стали падать. Цепи бросились на-земь; снова выстрелы — оттуда автоматные очереди. Еще и еще: «Огонь! Огонь!» И гитлеровцы обратились вспять, скрывшись в прибрежных зарослях. Спустя некоторое время обрушился шквал мин. Первые взрывы, первые жертвы. Рядом, тихо вскрикнув, хрипловато застонал младший сержант Тарасов. Стало не по себе: кровь товарища, сладковатый запах гари от взрыва... помощь санинструктора Шадрина уже была бесполезна. А справа в Цитадели и где-то позади слышались винтовочные выстрелы и автоматные очереди.

Крепость принимала бой. Большой штурмовой группе гитлеровцев удалось ворваться в крепость через западные Тереспольские ворота, они заполнили двор Цитадели и, видимо, считали дело оконченным. Но из подвалов третьего батальона взвод за взводом, с криком «ура!» устремились в атаку бойцы во главе с комсоргом полка Самвелом Матевосяном. Он, выполняя приказ, полкового комиссара Фомина и возглавил контратаку. Решительным штыковым ударом и прикладами бойцы батальона истребили большую часть штурмовиков. Остальные, убегая к Тереспольским воротам, были уничтожены опомнившимися пограничниками 9-й заставы лейтенанта Кижеватого.

Началась месячная оборона крепости.

Ранним утром 27 или 28 июня, собравшись к прорыву на Ковельское шоссе, я предложил примкнувшему в первые дни пограничнику присоединиться к нашему отряду. У него был ручной пулемет. «Я отсюда никуда не уйду!» — хрипло ответил он.

3 июля в 11.00 слушали выступление И.В. Сталина. Больно резануло: «Оставлен Минск, Львов, Литва». После полудня получили время, сходили на станцию. Там — эшелон платформ, полностью занятых ранеными бойцами. Большинство сидели, но многие лежали на матрасах, одеялах... Отвечали: «Из-под

Перемышля, Львова, Новгород-Волынска». На вопрос «как там?» отвечали: «Спрашиваете? Убивают, кромсают — война!»

Но держатся подкрепления идут. Действительно, на параллельном прогромыхал эшелон. На платформах расчехленные орудия, танки, бронемашины, молодые красноармейцы.

В конце июля на окраине деревни Песчана Рудня, у кладбища, отражали атаки с подброшенными из Паричей гитлеровцами. В деревне разорвались снаряды. Из деревни дико причитают: «Милый мой, ты же жив, жив!» Молодая женщина держала, прижимая к груди, поросенка. «Ты — живой, живой!» Оказывается ее младенца сразило осколком, и, обезумев, мать металась с подхваченным поросенком.

6 августа рано утром во время завтрака командир орудия сержант Никита Алексеев, мой однокурсник по Вяземскому техникуму, привлек внимание своего расчета подробным рассказом о своей Духовщине на Смоленщине, о родителях, друзьях.

Рассказал как летом, будучи в лагере Осоавиахима у реки Вязьма, купаясь, ослаб и стал тонуть. «И не быть бы мне здесь, да вот, он — Николай — вытащил на берег». Николай — это был я. Вскоре появился зловещий разведчик — «рама». Пролетая медленно и повернув над деревней Черни (под Паричами) улетел к Бобруйску. Не прошло и пяти минут, как над головой просверлил воздух снаряд, разорвавшись в 100—150 метрах сзади батареи. Команда: «По укрытиям!» Тут же прогремел взрыв впереди батареи. «Вилка!» Навалившись на товарищей, я втиснулся в окопчик. Третий разорвался в расположении батареи. От четвертого орудия послышался какой — то хрюкающий стон. Выскочив, увидел Никиту Алексеева, свернувшегося у лафета орудия; осколок пронзил живот товарища.

Командир взвода младший лейтенант посоветовал похоронить при личном оружии — револьвере наган...

Этот был день решительного наступления немцев, и наш 165-й полк 232-й дивизии 21-го получил приказ отступать к Хойникам и к переправе у Лоева.

Это было уже в концлагере Бухенвальд. Февраль 1944 года. Шла вечерняя поверка. На площади более 35 тысяч политза-

ключенных из 18 стран Европы. Побарачно, в шеренги по 10 — коробкой. Каре, построились узники и вместо обычной переключки-подсчета дежурный прочитал приказ о казни через повешение двух «русских бандитов» за совершенные ими «злодеяния». На вышке, над воротами в лагерь развернулся спаренный пулемет, в лагерь вошел наряд автоматчиков при касках. Из бункера вывели двух остриженных щупленьких подростков, повели к виселице. Поставили каждого на табурет. Резкий стук сбитых табуреток. Опустив головы, как по команде сняли головные уборы. Тут же из рупора хриплые команды: «Мютцен ауф! Мютцен ауф, свиньи!» («Надеть шапки, свиньи!»). У пулемета лязгнул затвор, автоматчики вскинули оружие. Но в мертвой тишине никто не пошевелился: опустив головы, политзаключенные не шевельнулись.

Исчерпав гнев, рапортфюрер обратился к стоявшему рядом коменданту. Тот что-то сказал. Рупор захрипел: «Морген оне гипайзе, гану таге!» Завтра на весь день весь состав лагеря лишается пищи...

Спустя время стало известно, что эти два парня — юноши, где-то сбежали из трудового лагеря и при их поимке, видимо, оказали сопротивление. Ночью их привезли в лагерь для казни в крематории. Уже в лагере по пути к крематорию они вырвали у ничего не подозревающего конвоира винтовку, перебросили ее через проволоку. Пока конвоир вернулся за своим оружием, подняв шум на вахте, ребята укрылись в лагерной кухне. Их приютил немецкий политзаключенный — повар, спрятав в подпольной нише.

Несколько дней, во время проверок, рапортфюрера объявляли о том, что тот, кто укажет место, где укрылись «русские бандиты», получит дополнительный паек и пакет сигарет и при рассмотрении дела будет досрочно отпущен на свободу. «Доброволец» нашелся — один из поваров, польский офицер, а теперь узник Бухенвальда. Он заметил, что повар Эрих постоянно с пакетом пищи скрывается в подвал кухни...

...Через неделю (это было уже в марте) польский товарищ Генрих Соколак, (я с ним держал связь) придя после отбоя в 30-й барак, где я содержался, тихо сообщил: «Николай, тот пан офицер теперь уже не получит ни пайку с сигаретами, ни свободы...»

Вскоре из филиала Бухенвальда лагеря «Дора» (там узники, в подземелье собирали, монтировали Фау-1 и Фау-2) пришла не менее печальная весть. У черноморского матроса, Михаила Скибы, приговоренного за саботаж к повешению оборвалась веревка; палачи повторили, — вновь обрыв... в третий раз тоже. Он был пристрелен. Падая, крикнул: «Все — равно пропадете, собаки, наши близко!» немецкого товарища — бывшего члена ЦК германской компартии — Альберта Кунца повесили следом. Он отказался, за обещанное досрочное освобождение, выполнить предложение коменданта «Доры».

Усилиями немецких политзаключенных и советских в Бухенвальде была создана своеобразная подпольная школа для советских детей. Это были дети погибших пограничников, расстрелянных партизан. Они содержались в 8-м бараке. Там, после боя в спальне старый учитель Никодим Васильевич Федосенко (из села Таромское под Днепропетровском) учил детей грамоте и счету.

Я рассказывал детям отрывки из истории нашей Родины и картинки из географии СССР. Это было в конце января 1944 года. После рассказа я задержался и поинтересовался, как Никодим Васильевич будет проводить «диктант первачкам». Дети сели. У нар у окна и на клочках бумаги приготовились писать. «Пишите, дети: «Мама моет раму»... Написали? Пишите дальше: «Папа роет фашисту яму».

...Американские войска топтались где-то у Рейна, наши войска только взяли Варшаву и вели тяжелые бои в Венгрии, а в концлагере Бухенвальд, в самом пекле фашистского зверя, за колючей проволокой с пулеметными вышками...

«Папа роет фашисту яму»... Прошло почти 60 лет с тех пор, а мне до сих пор, ночами, слышен хриловатый голос 65-летнего советского учителя Никодима Васильевича Федосеева.

...«Роет фашисту яму»... Тело Н.В. Федосеева покоится на кладбище села Таромское, близ Днепропетровска. Школьники одной из школ этого города постоянно ухаживают за его могилой.

Послесловие

После демобилизации я с супругой (она вынесла с малышами все тяготы фашистской оккупации на Смоленщине), определился работать в Подольском районе. Работал учителем с горячим желанием. В Ознобишинском клубе два месяца читал лекции из истории нашей родины. Вскоре по просьбе ГК КП(б) — КПСС — работал нештатным инструктором горкома партии, агитатором в двух колхозах.

11 марта 1949 г. приехавшие в школу трое в штатском надели мне «браслеты» — наручники, произвели обыск. Забрали нашу с супругой переписку и увезли на Лубянку. Обвинение было сурово-категоричным:

— добровольная сдача в плен;

— агент гестапо в концлагере Бухенвальд по выдаче советских патриотов;

— резидент одной из иностранных разведок по Московской области... (статья 58-б). Следствие длилось 14 месяцев. Из них 8 месяцев сидел в одиночке. За отказ подписать это «обвинение» оштрафован пятью сутками карцера: за резкий протест с применением физического воздействия на следователя ст. лейтенанта тов. Ефима ... — 15 суток строгого (холодного) карцера. 6 мая 1950 года в кабинете начальника следственного отдела полковника Герасимова было им записано решение: «освободить из-под стражи; по постановлению 204 за неимением улик и подозрений.

Необходимо заявить; вопреки многим заявлениям и в печати и по радио определенно заявляю — никакой жестокости, никакого физического порядка, пыток со мной не было; питание — нормальное.

Более того, каждый следователь пытался «довести» дело с обвиняемым до суда, с тем, чтобы за успехи получить дополнительную оплату — месячный отпуск в санаторий или на курорт.

Говорят, нет добра без худа. В 1956 году был образован Всесоюзный Советский Комитет ветеранов войны во главе с Маршалом СССР Семеном Константиновичем Тимошенко.

По представлению Московского обкома партии я был включен в его состав в качестве члена Президиума СККА.

Вскоре меня утвердили председателем секции бывших военнопленных. А в 1960 году был рекомендован в руководство международного Комитета бывших узников Бухенвальда в качестве вице-президента от Советского Союза. Как член редакции принял участие в сборе материалов по изданию Международного сборника — «Бухенвальд». Документы и воспоминания»

...В своей поэме «Василий Теркин на том свете» (1958 г.) Александр Твардовский, зная «одиссеи», подобные моей (его отец, супруг дочери помещика, был во время коллективизации выслан из Смоленщины в Сибирь), так выразился о некоторых моих реальностях того, нашего времени.

Здесь как в скорой той машине
Что по улице идет!
Сама давит, сама режет,
Сама помощь подает...

Председатель совета ветеранов, почетный гражданин города Щербинка.

Январь 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Анохина Анастасия Александровна**, ученица 10-го «Б» класса средней школы №4 г. Щербинки, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Щербинка.